

труде, были сформулированы Карамзиным в статье 1802 г. «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» и, очевидно, не исключали авторского вымысла.

С точки зрения самого Карамзина, в историческом повествовании граница между вымыслом и достоверностью условна. В «Наталье, боярской дочери» писатель настойчиво указывал на историю как на богатый источник поэзии: «Не найду я и места в голове своей для всех анекдотов и повестей, рассказываемых мне жителями прошедших столетий».²³ Карамзин здесь настаивал на достоверности рассказа. Его поэтический восторг вызвали не Музы, а прапрабабушка. Автор подчеркивал «историческую истинность» повествования, но делал это не без насмешки: «историю» он слышал «в области теней, в царстве воображения, от бабушки моего дедушки».²⁴

Авторскую свободу в обращении с историческими материалами Карамзин сохранил в «Марфе Посаднице». По этому поводу в исследовательской литературе говорят о «вопиющей» антиисторичности этой повести. Однако здесь характер вымысла несколько иного свойства, чем в «Наталье, боярской дочери». Там история — фон, на котором развернут условный любовный сюжет. В «Марфе Посаднице» исторический пафос как пафос протеста против тирании определяет все повествование, обуславливая и характер вымысла. Вымысел нужен здесь автору не для того, чтобы украсить, позолотить, улучшить историю, а для того, чтобы заострить ситуацию и характеры, придать истории эстетическую яркость, картинность и впечатляемость.

Один из дореволюционных исследователей исторической прозы Карамзина удивлялся, почему Марфу Посадницу Карамзин отправил на эшафот. «„Марфа Посадница“, — писал он, — все еще „историческая повесть“, для украшения которой пришлось отправить „героиню“ на эшафот, когда естественнее было бы с духом времени почитателю Ивана III поместить ее в монастырь, не удаляясь от истины».²⁵ Между тем именно этот эпизод ярче всего обнаруживает характер авторского вымысла: чтобы усилить историко-эстетический смысл события и обеспечить влияние «изящного на образование душ», Карамзин изменил некоторые исторические факты.

В работе над «Историей государства Российского» авторская свобода Карамзина была ограничена более строгими рамками.

²³ Карамзин, т. I, стр. 622—623.

²⁴ Там же, стр. 623.

²⁵ В. Иконников. Карамзин-историк. СПб., 1912, стр. 22.